

НатiRa

С ЧИСТОГО *листа*

Иногда
нужно
потерять
память,
чтобы
найти
себя

А что,
если любовь
помнит
вместо тебя?

РОМАН О ТОМ, ЧТО ОСТАЁТСЯ,
ДАЖЕ КОГДА ВСЁ СТИРАЕТСЯ

18+

18+

Hati Ra

с ЧИСТОГО ЛИСТА

<https://litres.ru/73550449>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она живёт в мегаполисе, где всё работает по правилам: карьера, графики, отношения.

Когда прошлое внезапно возвращается, а тайны начинают расползаться по трещинам привычной жизни, ей приходится выбирать — стабильность или чувство, тишину или бурю.

В мире, где даже океан — искусственный, а волны запускаются по расписанию, единственное, что нельзя запрограммировать, — это любовь.

Это история о выборе.

О памяти, которая может исчезнуть.

И о том, что иногда, чтобы не утонуть, нужно рискнуть и поймать свою волну.

Содержание

ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	34
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	44
ГЛАВА 8	48
ГЛАВА 9	57
ГЛАВА 10	67
ГЛАВА 11	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Hati Ra

с чистого листа

Сегодня ночью мне приснился странный сон – как короткометражка с глухим эхом прошлого. Сначала – голоса, резкие, разрывающие тишину: крики, ссоры, тревожная суэта. А потом – мама. Тепло её рук, слова, которых я никогда не слышала наяву: «Я люблю тебя. Прости». Я проснулась с комом в горле, сердце стучало так, будто всё происходило по-настоящему. Но, конечно, это был лишь сон. В реальности мама не склонна к признаниям. Её холод укоренился слишком глубоко, как старое дерево с мёртвыми корнями.

Когда-то я думала, что такие сны – просто отражения памяти. Теперь понимаю: это маячки, напоминания о том, что мир изменился необратимо. Пандемия смела привычный порядок – экономика, связи, человеческие отношения. Всё пошло вразнос. Мы пытались держаться: кто-то терял близких, кто-то – себя. Были дни, когда смысла не оставалось вовсе. И всё же среди обломков находились крошечные радости – звонок друга, чашка чая, солнечное пятно на стене. Чтобы не раствориться и не забыть себя – я вела блокнот. Сначала – просто страницы с заметками, а потом – целая карта моей тишины: страх, надежда, отчуждение. Всё, что я не могла сказать вслух. Мы ждали, что время повернёт назад. Но оно не возвращает мосты – только сжигает. Опти-

мизм стал роскошью. Сильные – не те, кто улыбается, а те, кто не боится правды. Даже быт превратился в иной ритуал. Ночью я надеваю нано-плёнку – тонкую, почти невесомую. Она растворяется на зубах, незаметно работает до утра: расщепляет остатки еды, заполняет микротрещины, восстанавливает эмаль. Чистка больше не нужна. Ни щётки, ни пасты, ни спешки. Только ощущение чистоты – как будто тело само заботится о себе. Утро – тоже другое. Завтрак ждал меня у двери, как всегда: тёплый омлет, рис, два кусочка фруктов. Всё сбалансировано по питанию, будто кто-то знает меня лучше, чем я сама. Я просто ем. Кухня есть – но скорее как ностальгическая зона, вроде винилового проигрывателя: красивый гарнитур, который включается раз в год. Так, незаметно, жизнь стала другой. Работы стало больше, конкуренции – меньше. Авторское право исчезло, как понятие: никто не знает, кто стоит за картинами, фильмами, даже голосами. Актёры – модели на основе нейросетей. Искусство превратилось в игру, а не признание. Бумага – дефицит. Обычная ручка считается винтажем. Мы живём в цифре, где любая ошибка фатальна: нарушил режим – можешь потерять всё – еду, жильё, связи. И всё же люди продолжают творить. Потому что именно в этом упрямом созидании проявляется то, что в нас ещё осталось от человека.

Путешествия превратились в симуляции, и даже они доступны лишь избранным – тем, чья профессия признана стратегически важной. Программисты, биоинженеры, архи-

текторы. Я – иллюстратор. У меня есть допуск. Иногда я попадаю в разрешённую зону, вроде как – в Париже. Но я не могу вдохнуть пыль с мостовой, не чувствую кофе в утреннем воздухе. Я только смотрю. Без запаха, без прикосновений. Тем, кто никогда не выезжал, легче: у них нет с чем сравнивать. А я скучаю по мелочам – по запаху старой книги, по шероховатости стены под ладонью. Тело стало документом. Моя первая татуировка – отпечаток пальца – теперь мой паспорт, мой билет, мой код доступа. Я – собственная подпись. Машины стали редкостью, топливо – вне закона. Говорили: временно. Враньё. Всё, что уходит, не возвращается. Зато автобусы – бесплатны. Но деление чёткое. Первый сектор – чиновники, спецслужбы. Их транспорт – тёмный, с зеркальными окнами. Мы не видим их. Второй сектор – специалисты: дизайнеры, инженеры, иллюстраторы. Мы – рабочая кровь.

Ходят слухи, что страной управляет ИИ. Что вирус – не биологический, а цифровой. Что все решения принимает программа. Раньше я спорила. Теперь – всё равно. Я устала.

Я – образцовый гражданин. Не спрашиваю, не сопротивляюсь, работаю. Трачу минимум, получаю по норме. Чем меньше ты берёшь – тем больше тебе дают. Но в конце года излишки всё равно обнуляются. Деньги стали абстракцией: запросил – получил. Хоть планшет, хоть шлем. Без объяснений. Я часто возвращаюсь на виртуальный Бали. Там – моя отдушина. Я рисую в уме, прям как Шелдон, только тот счи-

тал. Слушаю океан, отправляю послания будущим. Надеюсь, они окажутся смелее.

Мы не сопротивлялись. Просто растворились. Не было взрыва – было вымывание. Всё стало «удобным». Единые стандарты, общее образование, заданные траектории. Нам дали год в общежитиях – «для адаптации». Психологи говорили: мотивация формируется в равных условиях. Я прошла отбор без профильного образования, с нуля. Просто решала задачи. Не знание спасает, а навык. Друзья исчезли. Не по моей вине. Просто растворились в цифровом шуме. Я пыталась найти их. Запросы отклонены, апелляции – без ответа. Осталась только работа. Моя надежда – не в системе. Она – в близости. Я боюсь разочаровать тех, кто верил в меня. Боюсь, что они увидят меня в новой точке отсчёта – сломанной, выжженной. Но в этом я и есть. В отказе быть пустой. У меня мало друзей. Нет мужчины. Только работа, книги, рисунки. И дневник. Он – форма моего сопротивления. Возможно, его читают. Поэтому я шифрую. Имена, чувства, страхи – всё завуалировано.

Работаю в офисе будущего. Металлическое дерево с живыми листьями тянется к свету. Оно фильтрует воздух, блокирует шум и жару. На ветках – птицы. Их песни не цифровые. Они настоящие. Это мой якорь. Всё здесь рассчитано на продуктивность. Уровень комфорта – вне статуса. Играй, твори, сиди в тишине. Никто не следит. Только результат. ИИ не кричит. Он не унижает. Он увольняет по статистике.

Если ты просел – ты исчез. Вместе с работой, жильём, привилегиями. Некоторые не выдерживают.

Вот такая жизнь. В ней есть и свет, и тень. Но я всё ещё здесь. И я всё ещё рисую.

ГЛАВА 1

Сегодняшний день обещает быть насыщенным, и, признаться, совсем не хочется вылезать из-под тёплого одеяла. Ткань одеяла приятно шуршит, когда я переворачиваюсь, – как сухие лепестки. За окном серый рассвет. Обычный, ничем не выдающийся, но в нём есть какое-то ленивое спокойствие. Иногда я могу не появляться дома по два дня подряд – работа засасывает, и возвращаться кажется странным. Словно ты гость в собственной жизни.

К счастью, у меня есть пёс. Джеки. Рыжий комок преданности с мягкими ушами и взглядом, который понимает тебя лучше, чем любой человек. Нам повезло: животных теперь разрешено брать с собой в офис. Официально – «для эмоциональной устойчивости в замкнутом производственном пространстве». Неофициально – просто потому, что все устали терять близких.

Офис устроен как капсула комфорта: своя кухня, душ, комнаты отдыха, мини-парк на крыше. Можно не выходить неделями. Но чем больше в этом удобства, тем отчётливее ощущается: всё под контролем. Каждый шаг, каждая эмоция – отрегулированы. Иногда мне хочется делать обычные вещи самой: варить суп, стирать, возиться с разбитым чайником. Глупости. Но в них есть жизнь. Есть ошибки, случайности. А случайность – это последнее, что осталось нам от свободы.

Я выпиваю кружку кофе – настоящий, не капсулы. Обжигаю язык, как в раньше, и это неожиданно приятно. Надеваю свой жёлтый дождевик – он мягкий, почти шёлковый, блестит, будто сделан из жидкого солнца. Джеки тянет поводок – сегодня у него много планов. Его шерсть, густая и рыжая, отлично сочетается с моим плащом. Забавно. Мой лучший друг – тоже рыжий. Один из немногих, кто остался.

Крис раньше не мог ни стоять, ни ходить – тело отказало. После пандемии медицина рванула вперёд. Через месяц он уже стоял на ногах. Нейроаппараты, стимуляторы, биопластика – всё сработало. И он снова здесь. С нами. Со мной.

Свою семью он так и не нашёл. Ни жены, ни детей. Только я – человек из прошлого. Мы – два напоминания друг другу о том, что было. Но и не только. Мы – укоренившиеся друг в друге. Почти как брат и сестра, только ближе.

Когда он сдавал экзамен на иллюстратора, я работала днём и помогала ему по вечерам. Почти три месяца без сна. Кофе, истерики, ночные разговоры на кухне. Тогда казалось, что всё рушится. Но он сдал. Теперь мы работаем вместе. И без слов понимаем, когда кто-то на пределе.

Холл встречает запахом антисептика. Почти незаметный, но всё ещё есть – призрак прошлых лет. Мы всё ещё моем руки перед едой, как чистим зубы – не задумываясь. Теперь это просто привычка. Как дыхание.

На кухне я ставлю стакан под кофеварку и смотрю, как темно-коричневая струя медленно заполняет кружку. В это

утро есть что-то странно уютное. Терраса пока пуста. Тишина, как мох под ногами, мягкая. Эти несколько минут до начала дня – мои. Джеки бегают неподалёку, увлечён своим ритуалом: обнюхать всё, что можно, трижды убедиться, что дерево всё ещё дерево, и победно пометить его.

– Ну здравствуй, – голос Криса вытаскивает меня из мыслей.

– Метите территорию?

– Не волнуйся, пару углов тебе оставили.

– Притащила всё своё барахло?

– Нет. Думаешь, задержимся?

– Ходят слухи, у нас новый руководитель.

– Что с Тайлером?!

– Отправили в отставку. Последний проект не сдал вовремя.

– Это невозможно! Я лично отправила материалы за три дня до дедлайна.

– Ты-то отправила, а он – нет. Теперь всё на рассмотрении. А если что-то уходит на «рассмотрение» – считай, похоронено. У машины нет жалости.

Я молчу. Глупо, но внутри сжимается. Тайлер был не идеальным, но он один из нас.

– Кто теперь?

– Тео. Только сдал тесты. Биография мутная, но говорят – гений. Сразу дали руководство.

– Понятно...

– Ладно, давай о другом. О чём думала до моего появления?

– О путешествиях.

– и о чем именно?

– Я никогда больше не почувствую брызги океана на лице. Не взлечу на воздушном шаре. У меня забрали часть меня, и я ничего не могу с этим сделать.

– Мы все что-то потеряли. Мне дали новое тело – и забрали семью.

– Мы как птицы с подрезанными крыльями – Живем, но уже не летаем.

– Позитивненько утро начали, – улыбается Крис и слегка приобнимает. И это не требует слов.

На совещание мы опаздываем. В переговорке у доски стоит незнакомец. Его голос, мягкий и уверенный, странным эхом отзывается в голове. Когда он поворачивается, я замираю. Янтарные глаза.

Он представляется. Новый руководитель. Но знает проект так, будто сам его писал. Я слушаю через вату мыслей. Всё ощущается ненастоящим.

– Тея, – голос Алекса вырывает меня из размышлений.

– Да?

– Кажется, ты нас совсем не слушала... – ухмыляется Лана. Она всегда говорит так, будто хочет поцарапать.

– Думаю, мы сможем повторить всё для Теи, – неожиданно спокойно говорит Тео. Его голос – как тёплый ветер, уве-

ренный и глубокий.

– Простите.

– Ты в порядке? – Крис наклоняется ко мне.

– Да, просто вторая кружка кофе не помешает.

– Повторим для Теи, – вновь улыбается Тео.

Он спрашивает, правда ли я занималась гримом. Я киваю. Немного училась. Практиковала, когда ещё были живые съёмки.

– У меня идея: серия плакатов о важности образования. Мы – герои. Ты нас гримируешь.

– Звучит... оригинально.

– Значит, можно на тебя рассчитывать?

– Мне нужно потренироваться. Доброволец найдётся?

– Думаю, все согласятся, что я подхожу идеально. Пару часов в день хватит?

– Пару часов? Серьёзно? – удивляюсь.

– Много?

– Скорее мало. Четыре часа в день будет впритык.

– Окей.

– Но тогда я не успею делать свою работу.

– Могу помочь. Так быстрее вольюсь в ваш ритм.

Меня почему – то пугает перспектива столько времени проводить с ним. Очень странное и давно забытое ощущение. Но выбора нет.

Мы спускаемся в магазин. Сканируем материалы: краски, кисти, наборы для узоров. Тео неторопливо рассматривает

текстуры, как будто они говорят с ним. У него лёгкие волнистые волосы, будто рассыпанные тени, и глаза... лесной туман.

– Давно здесь?

– С момента нового режима.

– И как тебе?

– Скорее «да», чем «нет». Жаловаться не в моде. Коллектив хороший. Даже Лана... Хотя она меня, кажется, недолюбливает.

– Женщины, – усмехается он.

Мы возвращаемся с пакетами. Я иду к Джеки. Проверить, всё ли в порядке. Он спит, свернувшись клубком, и его дыхание звучит громче, чем все голоса вокруг.

ГЛАВА 2

Примерно через час мы встретились в его рабочем кабинете. Тео сидел за столом, спиной к окну, свет из монитора мягко вырезал его профиль из полумрака. Пальцы продолжали бегло касаться клавиш, но, подняв глаза, он на мгновение застыл. Взгляд – быстрый, чуть напряжённый, будто он чего-то ожидал... или опасался. Это едва уловимое беспокойство висело в воздухе, как электричество перед грозой.

– Не помешала? – спросила, стараясь звучать непринуждённо, хотя внутри что-то дрогнуло.

– Нет-нет, заходи, – отозвался он. Голос был мягче, чем обычно, почти обволакивающий.

– Если что, могу позже...

– Да не переживай. Мне всего пять минут.

– Ок. Тогда я сбегаю за кофе. Тебе захватить?

– Американо, если не сложно, – он взглянул на меня, и уголки губ едва заметно дрогнули. В этом движении было что-то тёплое и почти домашнее.

– Не сложно, – улыбнулась, чувствуя, как внутри начинает расцветать лёгкое, тревожное волнение.

– Спасибо, – сказал он слишком ласково, и это простое слово будто зацепило что-то под кожей.

Сердце неожиданно сбилось с привычного ритма. Я шла по коридору, прижимая руки к бокам, словно пытаюсь удер-

жать изнутри нарастающий ток. Когда я в последний раз чувствовала этот щекочущий трепет? Эта дрожь – не от страха, а от предвкушения. От чего-то... возможного.

Влюблённость. Самое опьяняющее чувство, какое только может подарить наш организм. 200 миллисекунд – и мозг уже принимает решение, тянет ли нас к кому-то. Пульс учащается, кожа обостряется до мурашек, ладони теплеют. Всё тело – в состоянии сладкой тревоги.

Один взгляд – и в голове вспыхивает фейерверк: дофамин. Эйфория, энергия, почти зависимость. Есть не хочется. Спать – тоже. Хочется только быть рядом. Смотреть. Слушать. Вдыхать.

Потом приходит норадреналин – мы думаем, вспоминаем, накручиваем. А дальше – серотонин. Он делает нас спокойными... и одержимыми. И если повезёт – наступают окситоцин и вазопрессин. Это уже не трепет, а привязанность. Сильная. Упрямая. Иногда ревнивая, как кошка.

Эх... когда я в последний раз это чувствовала?

Когда вернулась, Тео сидел у панорамного окна, облокотившись на подлокотник. За стеклом медленно сгущался вечер. Город внизу рассыпался светом: фонари, как нити янтаря, связывали улицы в пульсирующую сеть. Автобусы ползли, как светлячки, в своих ритмах, а в небе уже тлел первый спутник.

– Потрясающий вид, – выдохнула я. Кофе в руках был горячим, но я его не чувствовала.

– Это точно, – сказал он, не отрывая взгляда от города. – Любишь красивые города?

– Я больше по природе, если честно. Но после нескольких месяцев на острове... город стал казаться живым организмом. Улицы – артерии, окна – глаза. И ты внутри, как клетка. Здесь чувствуешь, что ты – часть чего-то большого. Энергия – повсюду. Можно дышать ей.

– А ваши виртуальные путешествия?

– Они хорошие. Но это... совсем не то.

– В чём разница?

– Ты путешествовал по-настоящему?

– Кажется, да.

– Кажется?

– Это долгая история, – он усмехнулся, но в голосе прозвучала усталость, почти жжение.

Я села прямо на ковролин, подогнув ноги, и посмотрела на него чуть внимательнее. Он последовал моему примеру. Теперь мы сидели рядом – почти вплотную. Наши кроссовки то и дело касались друг друга, как бы случайно. Наверное, это глупо, но от этих прикосновений внутри словно кто-то перебирал струны. Надеюсь, это не слишком видно.

– Виртуальность – как копия без запаха. Без шероховатости стены, без крика чайки, без чужих голосов в толпе. Всё чисто, идеально... и мертво. Я возвращаюсь к любимым местам, чтобы помнить, что они были реальны. Но с каждым разом – сложнее. Иногда мне кажется, что я просто всё это

придумала.

– А Крис?

– Он был. Всегда. С пятого класса. Мы многое пережили, но нить, между нами, не рвалась. Он как якорь. Без него бы... всё растворилось.

– Наверное, это здорово – иметь кого-то, кто помнит тебя настоящего, – прошептал Тео. Он смотрел в окно, но, кажется, видел совсем другое. В его взгляде была такая тоска, что захотелось дотронуться до его плеча. Просто чтобы напомнить: все будет хорошо.

Я не стала спрашивать о его переживаниях. Думаю, он ещё не готов.

– Начнём?

– С радостью, – улыбнулась. – У меня сегодня ещё куча дел.

– Я же обещал помочь, помнишь?

– А как же твои вечерние планы?

– Думал их отменить.

– Ни в коем случае! – чуть не вскрикнула я. – Тео, вливайся постепенно. Я тоже была новенькой. Если сразу нырнуть с головой – не выдержишься и месяца. А встреча со старым другом даст тебе передышку. Нельзя всё тянуть в одиночку.

– Спасибо, – тихо сказал он.

– Пока не за что. А теперь – за работу.

Я начала раскладывать кисти на его столе. Рядом лежала коробка. Та самая. Он пришёл с ней сегодня утром. Малень-

кая, почти детская. Внутри могли быть письма. Или воспоминания. Или просто зарядки и старый свитер.

Интересно, есть ли у него дом? Кто-то, кто ждёт? Или он, как я – странник с иллюзией корней? Закрытый. Упрямый. Немного потерянный.

Я никогда не задаю вопросов – не в моих правилах. Но, чёрт... как же хочется понять его.

Люди с магнетизмом – это не обязательно харизма. Иногда это тишина. Глубокая, почти священная. За ней – вселенная.

ГЛАВА 3

Я проснулась от странных прикосновений – Джеки ласково зализывал мне лицо. Его поведение показалось необычным, но стоило взглянуть на часы – и всё встало на свои места. Вчерашний день выдался тяжёлым: почти всё время я провела с Тео, а вечером пришлось наверстывать накопившиеся дела. Не помню, когда именно заснула, но Джеки уже крепко спал, когда я, вымотанная, наконец, выключилась. В такие дни особенно остро ощущаешь, как важно иметь офисную спальню – тихое укрытие от внешнего мира.

Утро наступило слишком быстро. Всё ещё в пижаме и с сонными глазами, я вышла во двор с чашкой крепкого кофе. Пижамы, пусть и не слишком откровенная, оставалась чем-то интимным, почти уязвимым, поэтому надеялась никого не встретить. На прохладном воздухе лёгкий ветерок тут же принялся смывать с меня остатки усталости.

Джеки, как всегда, моментально ринулся исследовать двор: нюхать, метить, подтверждать свои права. Его утренний ритуал – и постоянная тревога, если кто-то осмелился сделать это до него. Я опустилась на скамейку и просто слушала, как просыпается мир. День обещал быть плотным: работы выше головы, и ещё нужно было определиться с финальным образом – макияж после вчерашних проб всё ещё оставался открытым вопросом.

– Привет, – раздался голос, от неожиданности чуть не опрокинула чашку.

Передо мной стоял Тео. Напомню, что я была в пижаме!

– Не ожидала увидеть кого-то? – он оглядел меня с головы до ног, в голосе звучала сдержанная усмешка.

– Я... рассчитывала, что все ещё в пути, и у меня будет время хоть как-то прийти в себя, – пробормотала, чувствуя, как румянец расползается по щекам.

– Здорово, ребята! – донеслось со стороны.

– Только тебя не хватало, – проворчала, оборачиваясь к Крису.

– Ого, не знал, что вы уже на «доброе утро в пижаме» перешли, – поддразнил он, явно наслаждаясь моментом.

– Хочешь, чтоб я тебе прописала? – прищурилась я.

– Нет уж, мне твоей наготы не надо. Уверен, Тео оценил, – подмигнул он.

– Тео, объясни ему, что у нас ничего не было, – вздохнула я, закатив глаза.

– Если хочешь, могу уйти и сделать вид, что ничего не было, – с озорной улыбкой предложил Тео.

Мы рассмеялись. Крис, как всегда, неисправим. А Тео... его взгляд вновь выдал с головой. Почему он такой тёплый? Почему его улыбка действует, как ток?

– Всё, пойду переоденусь, пока вы не начали строить фанфики, – бросила я и скрылась в здании.

– Не спеши, мы ещё не всё обсудили! – крикнул вслед

Крис, а Тео снова рассмеялся.

«Вот же парочка», – подумала я, но губы сами собой растянулись в улыбке.

Через час мы уже были по рабочим местам, каждый погружён в своё. В планах была встреча с Тео после обеда – обсудить макияж, доработать детали. Но он зашел по работе ко мне, и начали обсуждать некоторые проекты. Мы начали с рутины. Но атмосфера в кабинете была какой-то напряжённой. Неуютной – нет, скорее тихо-плотной, как утренний воздух после грозы.

Иногда наши пальцы почти одновременно тянулись к планшету. Иногда мы смотрели в один экран слишком близко. И каждый раз, когда я ловила его взгляд, внутри что-то замирало – как будто он смотрел не на текст, а в меня. В самую суть.

– Вот тут, – он наклонился ближе, показывая на рисунок, – они почему-то сделали так, хотя вы договаривались о другом. Я читал бриф.

– Да, вижу... – я кивнула, но сконцентрироваться на экране было невозможно. Его плечо почти касалось моего. От него пахло кожей и кофе, и в этом запахе было что-то очень настоящее, земное.

– Всё в порядке? – спросил он, тихо, почти шепотом.

– Да... просто немного устала, – соврала я. На самом деле я впервые за долгое время чувствовала себя слишком живой.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов. В этом тоже бы-

ло что-то редкое – он не пытался вторгаться. Просто... присутствовал рядом.

Мы работали ещё минут двадцать, и всё было бы как обычно, если бы не этот невидимый ток, между нами. Он не мешал, но не давал забыть. Как статическое электричество – в воздухе, на коже, внутри.

– Давай сделаем перерыв? – предложил он, выпрямляясь и потягиваясь. Его майка чуть приподнялась, обнажив полоску живота. Совсем немного – но мне понадобилось усилие, чтобы отвести взгляд.

– Ага, я не против.

Он встал, подошёл к дивану и присел на него.

– Расскажи мне про остров, – сказал он, – Ты говоришь о нём, как будто он был живым.

– Потому что он и был. Понимаешь, там не было ничего лишнего. Только тишина, ветер и свет. И ты в этом всём – такой, какой ты есть. Без контекста, без чужих глаз. Я научилась там быть одна. По-настоящему.

– Не страшно?

– Сначала – да. Особенно по ночам. Но потом тишина стала другом. Там я начала рисовать. Вспоминать. Чувствовать вещи, которые раньше игнорировала.

Он кивнул. Как будто понимал. Слишком хорошо.

– Я бы хотел там побывать.

– Думаю, тебе бы понравилось. Ты похож на человека, который умеет слушать тишину.

Он чуть усмехнулся, но ничего не ответил. Мы замолчали. И в этой паузе было что-то утешительное – как после дождя, когда остаётся только шум капель и влажный воздух.

– У тебя есть дом? – спросила я, прежде чем успела себя остановить.

Он смотрел на меня долго. Не удивлённо – скорее, оценивающе. В его взгляде было... понимание.

– Есть. Но я редко в нём бываю. Мне проще жить из коробки. Переезд – это как сбросить кожу. Иногда в этом есть облегчение.

– Понимаю. Хотя... я скучаю по вещам. Даже по неважным. Старый свитер, чашка с трещиной. Они как будто знают тебя лучше, чем кто-либо.

– Да, – тихо сказал он. – Иногда вещи помнят за нас.

Я кивнула, и снова наступила пауза. Но она уже не казалась неловкой. Это была тишина, в которой могло родиться что-то.

Что – пока неясно. Но оно точно было.

Обед я решила посвятить себе. В последнее время вокруг было слишком много разговоров, напряжения, эмоций. Я жаждала одиночества.

Но, как назло, обед прошёл под знаком воспоминаний. Я думала о маме.

Наши отношения были трудными. Ранящими. Детство запомнилось как бесконечный поиск тепла, которого никогда не было. Я не понимала, почему меня не любят. Почему ря-

дом холод. Я рыдала до судорог, когда мне казалось, что всё – вот сейчас, наконец, она меня услышит... Но не слышала. С возрастом я научилась смотреть на это иначе – почти философски. Но в детстве это было невыносимо.

Только к двадцати пяти поняла: я вовсе не истеричка. Я просто была ребёнком, которому отчаянно не хватало любви. И когда этой любви не получаешь от самого главного человека – внутри что-то ломается. Навсегда.

Я всегда верила, что настоящая любовь не умирает. Но, оказывается, умирает. Она может сохннуться, истончиться, исчезнуть... Остаться только чувством долга. Но долг – это не любовь.

Мне было страшно признаться себе в этом. Принять, что я больше не люблю маму. Это звучит как кошунство. Поэты распевают нерушимую связь матери и ребёнка... Но иногда этой связи просто нет. Или она была, но погибла слишком рано.

С годами я наблюдала за ней и ловила себя на мысли: она не чувствует вины. Её холод был ледяным, бесстрастным. И это убивало. Мне казалось, что, если даже мать не может любить меня – значит, я поломана.

Иногда думала, что могла бы справиться, если бы поговорила с кем-то. С психотерапевтом. С близким. Но я молчала. И тонула.

Когда любовь уходит, остаётся пустота. Когда родительская любовь не пришла – ты растёшь в этой пустоте, строя

себе крепости, маски, механизмы выживания. Но всё равно где-то внутри живёт тот ребёнок, который всё ещё ждёт, что его обнимут. Просто так. Без условий.

ГЛАВА 4

Тео не было в кабинете. Я огляделась – пусто, только пыль медленно крутилась в солнечном луче. Всё же решила, что он не обидится, если разложу инструменты на его столе. Его порядок казался почти интимным – всё на своих местах, аккуратно, сдержанно. Как он сам.

– О, ты уже здесь? – послышался голос от двери.

– Надеюсь, ты не против, – я обернулась, стараясь говорить ровно.

– Нет, конечно. Просто... ты не пришла на обед. Я подумал, ты всё ещё занята.

– Да нет, просто... не было аппетита.

Он остановился, глядя пристально.

– Ты в порядке?

– Отлично, – Слишком быстро. Слишком натянуто.

– Тогда я только переодену футболку – и начнём, – сказал он.

Когда я подняла глаза, он уже был без неё. И на секунду всё исчезло – свет, воздух, я сама. Его тело было идеальным в каком-то безжалостном смысле. Безукоризненно живое. Хочешь отвернуться – а не можешь. Замерла. Он заметил.

– Прости, – прошептала, чувствуя, как вспыхивают щеки.

– Всё нормально, – усмехнулся Тео. Эта самоуверенность была в нём врождённой. Он носил её, как дорогой костюм –

небрежно, но точно зная, сколько она стоит.

– Приступим?

– Без проблем, – он сел у окна, туда, где свет ложился на его лицо так, будто мир всё ещё хотел его рисовать.

Я начала с протирки – бережно, как реставратор с фреской. Его кожа была гладкой, тёплой, почти гипнотической. Работа с ним напоминала медитацию – если бы не взгляд. Он не просто смотрел – он изучал. И это выбивало из ритма.

Он был слишком внимательный. Слишком красивый. Слишком рядом. И слишком опасный – потому что неотвратимо напоминал, как больно может быть, если снова перепутать чувство с притяжением.

Я не могла позволить себе ещё одну иллюзию, как с Алексом. Не могла вернуться в эти качели, где сначала – надежда, потом – пустота. Я выбралась. Я выжила. Я выбрала свободу. Без привязок. Без одобрения. Без чужого взгляда, который якобы делает тебя кем-то.

После Алекса я наконец поняла: я не хочу быть половиной. Я цельная. Я могу сидеть за столом одна и чувствовать себя полной. Я умею держать себя.

– Ты сегодня молчаливая, – голос Тео пронёсся сквозь тишину, как камень по воде. Я моргнула. Час прошёл. Может, больше.

– Извини,

– Всё хорошо? – теперь его голос был мягкий, почти уба-

юкивающий.

«Не ведись. Не сейчас».

– Просто устала, – выдала я.

– Прости, что отвлекаю. Я даже не помогаю.

– Всё нормально. Я свою работу люблю. Иногда проще утонуть в ней, чем пытаться выплыть наружу.

– Прячешься?

– За кем? – брови сами взметнулись.

– За работой, – пояснил он, не отрывая взгляда.

– А зачем мне прятаться? – спросила я слишком спокойно.

Но внутри что-то стянулось. Как будто кто-то надавил на старый, давно залеченный синяк.

– Не знаю, – сказал он. – Тебе виднее.

– Вот именно, – отвернулась. Не хотелось продолжать.

Он коснулся моего плеча – осторожно, почти извиняясь.

– Не обижайся...

– Я не обижаюсь. Просто ты меня не знаешь. А уже говоришь, будто прочитал.

– Я только предположил.

– Ну, предположение было ошибочным.

– Извини, – в голосе появилась осторожность.

И всё же – его слова оставили след. Не ударили – нет. Скорее – зазвучали. А я не хотела слушать.

– Ты теперь и говорить не хочешь?

– Да

Он вздохнул.

– Я не хотел ранить. Просто... ты выглядишь грустной.

«Нет. Не поддавайся».

– Я не грустная. Просто ты – мне почти никто. И я не обязана открываться.

– Почему?

– Ты серьёзно?

– Да.

– Хорошо. Что ты знаешь обо мне?

– Почти ничего. Потому что ты ничего не рассказываешь.

– Вот именно.

– Я хотел бы узнать. Поэтому и говорю честно.

– Только пытаешься.

– Что это значит?

– То, что звучит. Ты создаёшь впечатление.

– Хорошо поговорили, – буркнул он. Плечи напряжены.

– А ты сам? Ты будто тоже весь – из секретов. Всё время куда-то исчезаешь. У тебя свидания?

– А если да?

– Тогда давай поговорим.

– О чём именно?

– Куда ты уходишь по вечерам?

– Это моё личное дело.

– О-о-о, – я отступила.

– Извини, – он провёл рукой по волосам. Его челюсть сжалась. – Не хотел быть резким.

Молчание сгустилось, как дым без огня.

– Я просто хочу понять, – тихо сказал он. – Всё.

– Я понимаю, – прошептала я. – Но не всё можно понять словами.

– А сегодня ты – просто душка.

– Я почти всегда такая.

– Правда?

– Сам сказал: ты меня не знаешь.

– Не отрицаю.

– Ладно. Хватит на сегодня, – начала собирать кисти.

– Просто уйдёшь? – он встал так близко, что воздух между нами исчез.

– Да. Думаю, на сегодня более чем достаточно.

Я повернулась – и в этот момент он схватил меня за руку. Внутри что-то вздрогнуло, тело напряглось, как перед ударом. Я резко дёрнулась – защитный рефлекс – и врезалась в него грудью.

Он был горячим. Слишком близким. Слишком настоящим. Я подняла глаза – и его взгляд поймал меня, как ловушка. В этих глазах было что-то невозможное – не просто желание, нет, – будто он видел меня насквозь, и не испугался того, что увидел.

И тогда он поцеловал меня.

Не вопросом. Не просьбой. Просто – поцеловал.

Мир сдвинулся. Не исчез, нет – наоборот, стал слишком ярким. Воздух запульсировал в ушах, как будто я нырнула

под воду. Его губы были мягкими, но решительными. Его рука – на моей талии. И вместо того, чтобы оттолкнуть – я замерла. Потому что тело вспомнило, каково это – быть тронутой не случайно, а будто тебя искали.

Я хотела вырваться. Должна была. Всё внутри кричало. Это опасно. Это снова боль. Снова доверие, которое превратится в осколки. Но руки не слушались. Ноги – не двигались. Я стояла, позволяя этому чувству захлестнуть.

И в какой-то момент – сдалась. Просто позволила. Не ему – себе. Просто на миг. Раствориться. Когда поцелуй закончился, мы стояли, соприкасаясь лбами, оба дышали так, будто вернулись с другого конца света. Я слышала, как стучит его сердце. Или моё. Или оба.

Он прошептал:

– Прости.

И тогда пришла паника. Холод. Как будто в комнату вошёл ледяной ветер. Всё, что я держала под контролем – рухнуло. Я отступила. Резко, почти грубо. Я видела боль в его взгляде. И не позволила себе почувствовать. Потому что, если почувствовать – сломаешься.

– Не прошу

Он отпрянул, будто я ударила его словами. А потом – буквально. Я подняла руку. Пощёчина была неожиданной даже для меня. Но в ней было всё: защита, страх, сопротивление. Как будто я шлёпнула дверь перед кем-то, кто мог войти слишком глубоко. Он остался стоять. Молча.

А я – сбежала.

ГЛАВА 5

За последние два дня, проведённые вне офиса из-за болезни, я почти не брала трубку – за исключением звонков от Криса. Предупредив коллег, что работаю из дома, я быстро поняла: домашний режим далёк от идеала. В офисе всё продумано до мелочей – там каждая деталь подталкивает к продуктивности, а дома всё слишком живое, слишком отвлекающее. Даже стены, кажется, нащёптывают: «Полежи ещё чуть-чуть».

В нашем мире, где конкуренция ежедневно точит когти, болезнь – почти табу. Люди продолжают работать, даже когда тело отчаянно кричит: «Остановись». Парадоксально, но хотя искусственный интеллект и не учитывает человеческий фактор, коллеги отнеслись с пониманием – и это дало мне пространство перевести дух, пусть и без привычной концентрации.

Обед с Крисом стал неожиданным островком покоя. Он никогда не лезет с вопросами, если не видит в моих глазах приглашения. Мы сидели за круглым столом, окружённые кинетическими деревьями, и я ловила себя на мысли: как странно спокойно можно себя чувствовать рядом с человеком, который просто рядом. Без давления. Без подоплёки.

Я не думала об увольнении – работа для меня не просто обязанность, она часть меня. Как дыхание. И даже если об-

стоятельства разрушают прежний ритм, работа остаётся тем, что удерживает меня на поверхности. Переезд – это серьёзный шаг, а лёгкое влечение к Тео – явно не повод. Или всё же повод?

Кажется, я могу забыть его. Поцелуй вызвал только лёгкое трепетание, всплеск, не более. Я сумела вовремя собрать себя. Не позволила волне унести слишком далеко. И всё же... что, если это не просто вспышка? Что, если чувства вернутся, и всё начнёт гореть изнутри?

Стоит ли тушить их заранее – или рискнуть и позволить себе любовь? Даже эту, нестабильную, с размытыми границами. Мы боимся чувств, потому что они расшатывают устои. Потому что с ними приходит прошлое. Как жить, когда ты не знаешь, где твои родные, когда часть тебя всё ещё там, в прошлом, и каждое новое чувство кажется предательством старому?

Я бродила по деревянному настилу среди генетически выведенных деревьев и думала о том, как всё изменилось. Когда-то мы искали вдохновение в пыльных кофейнях, теперь – в стерильно прекрасных библиотеках. Это место стало моим тихим убежищем.

Город словно создан для творцов: раскраски-антистресс, зоны для медитации, комнаты погружения... Я удивлялась, как много написала – двадцать страниц за час! Наверное, потому что сейчас у меня нет ничего, кроме работы. Ни семьи, ни отношений. Только проекты, идеи и тишина. Рисовать.

Слушать тишину. Погружаться внутрь себя. Это не одиночество – это центр. Я знаю, что многим это покажется странным, но мне не нужно внешнее, чтобы почувствовать себя живой.

Крис и Джеки – мои якоря. С ними можно молчать часами и не чувствовать пустоты. Иногда мы просто смотрим фильм, и я кладу голову ему на плечо – раньше бы смутилась, а теперь это кажется самым естественным на свете. В этих отношениях нет лжи. И нет игры. В отличие от Тео.

Между мной и Тео нельзя будет построить такую дружбу. Если между нами и есть что-то, это не дружба. Это искра, которую невозможно спрятать.

К ночи я вышла из библиотеки – город уже погрузился в мягкий неон. Завтра – офис, итоговое собрание. Меня ждала съёмка с Тео. Мы уже обсудили стилистику, и я взяла на себя визуальную концепцию. Попросила Криса быть рядом – без объяснений. Просто знала, что хочу, чтобы он был там.

Утром я еле вытащила себя из постели. Пять чашек кофе – и только пара часов сна. В зеркале – тень себя. Косметика не спасала, лицо было уставшим и слегка нервным.

Я знала, что Джеки не одобрит за то, что не захотела первой пройтись по утреннему парку. Иногда нужно позволить себе быть не первой. Не сияющей. Просто – быть.

ГЛАВА 6

День обещал быть тяжёлым – и сдержал слово. До обеда я не вышла из кабинета, будто растворившись в задачах.

Увидев Криса в коридоре, на ходу бросила:

– Будь рядом со мной сегодня, ладно?

Он кивнул молча – в его взгляде читалось понимание, без вопросов. Мы вместе пошли в столовую: коллеги уже собрались, гудя, как улей.

– Ну здравствуй, красавица! – расплылся в тёплой, домашней улыбке Том. Он был сердцем офиса, его живой душой. Добрей человека я не встречала.

– Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Спасибо за панкейки, – поцеловала Еву в щёку.

– Для тебя – хоть каждый день, – отозвалась она с улыбкой.

Ева – как солнечный луч в этом вычищенном, стерильном мире.

Высокая, светловолосая, с глазами цвета прозрачного мёда – в них легко потеряться, как в июльском небе после грозы. В её походке – лёгкость, в голосе – звон колокольчиков. Она умела быть рядом без давления, как мягкое прикосновение плеча в холодное утро.

С ней всё становилось проще. Даже я – с вечной настороженностью в сердце – рядом с Евой училась отпускать.

Её юмор был лекарством – острый, но никогда не ранящий. Она шутила, как будто танцевала: с лёгкой ироничной грацией, оставляя за собой шлейф веселья. И при этом – такая сердечная, такая искренняя, что порой казалась пришлой из мира, где людей ещё не учили быть циничными.

И всё же... иногда, в совсем тихие вечера, я ловила её взгляд, наполненный чем-то неизведанным. Как будто и в её мире есть штормы – просто она научилась прятать их за светом.

– Готова к работе? – приподняла бровь Лана.

– Утром всё отправила Алексу. После обеда хочу заняться гримом. «Уделишь мне три часа?» —спросила Тео, стараясь звучать уверенно, но внутри ощущалась шаткость.

– Конечно, – ответил он негромко, с ноткой удивления, будто уже не надеялся, что я обращусь. В его голосе – тишина, из тех, что держат внутри больше, чем могут сказать. Я чувствовала его взгляд – сдержанный, немного печальный – и старалась сохранять спокойствие, как щит против этой уязвимости.

Обед прошёл шумно: эмоции вспыхивали и гасли, как фейерверки. Наша команда была удивительно цельной – споры, идеи, вдохновение. Здесь творческим людям позволяли больше, чем остальным. Иногда казалось, что сам ИИ отступает перед нами – ради искусства.

Да, сроки сжимали, но в отличие от других секторов у нас оставалась гибкость. Мы договорились, что зайду к Тео по-

сле обеда. Но всё пошло иначе.

Крис задержался с делами, а я не могла уйти без него. Вместо визита к Тео – осталась помогать Крису. Только тогда, в его кабинете, рядом с молчанием, поняла: я вела себя эгоистично. Долго не замечала, как он угасал. Думала, он просто не хочет нагружать меня. Но теперь – ясно: ему тяжело. Он замкнулся. А я боялась заглянуть туда, внутрь. Ведь он потерял сыновей. Навсегда.

– О чём ты думаешь? – спросила я тихо, почти шёпотом, чтобы не спугнуть эту хрупкую тишину.

Он не сразу ответил. Долго смотрел в пустоту, как будто пытался поймать мысль, скользнувшую сквозь пальцы.

– О многом... – наконец прошептал. Его голос был тяжёлым – как чемодан, набитый словами, которые так и не сказаны.

– О чём именно? – я чуть наклонилась ближе, в попытке достучаться сквозь тишину.

– О том, что надо доделать проекты, а ты мешаешь... – в голосе прозвучала колючесть, но за ней – усталость.

– Ты же знаешь, что я не об этом, – мягко прошептала, не отступая.

Он посмотрел на меня. В его взгляде – подлинная, обнажённая грусть. Такая, какая бывает у тех, кто потерял что-то, что не вернёшь.

– А что ты хочешь услышать? – спросил он почти беззвучно, будто боялся ответа.

– Что мы не зря всё это делаем. Что мы ещё нужны этому миру.

Он выдохнул медленно.

– Иногда верю. А иногда... – он замолчал.

– А потом? – тихо подтолкнула я.

– Иногда кажется, что пора остановиться. Всё бессмысленно. Мы – мыши в клетке. У кого она побольше, у кого – поудобнее. Но всё равно клетка. Потерянное поколение. Может, следующие найдут путь. А мы... уже нет.

Слова резанули, будто ледяная вода на горячую кожу.

– Но ведь можно попробовать, – сказала я. – Сделать шаг.

– Не уверен, – ответил он глухо.

– Но ты даже не пытаешься... – и мне стало больно от этих слов.

Он взглянул на меня.

– А ты?

Я замялась.

– Ты про что?

– Про то, что, появился кто-то, кто тебе не безразличен.

А ты прячешься.

– Это не так... – прошептала, убеждая не только его, но и себя.

– Мы оба боимся, – тихо сказал он. – Просто пора признать: всё уже не будет, как прежде. Ты не вдохнёшь полной грудью, а я никогда не забуду, что у меня были дети, которых я больше не увижу.

Эти слова пронзили. Слёзы текли сами. Он обнял меня – крепко, по-настоящему. Его объятия стали щитом от всего мира.

Позже мы вошли в кабинет Тео. Мы работали над макияжем, а Крис делал вид, что ему действительно интересно. Болтали – легко, не по делу, просто чтобы дышать. Но когда я приблизилась к глазам Тео и наши взгляды встретились – между нами проскочила искра. Слишком яркая, чтобы её не заметить.

У него тоже была своя рана. Он нёс её молча, но глаза – предатели. Они выдавали всё.

– Ты опять не с нами? – тревожно спросил Крис.

– Нет, просто сосредоточена, – я улыбнулась, но взгляд снова скользнул к Тео. Нет. Так больше нельзя. Нужно закончить с макияжем и держаться от него подальше.

– А как насчёт сёрфинга? – неожиданно спросил Крис, будто пытаюсь разрядить напряжение.

– Почему бы и нет?

– Ты сёрфишь? – удивился Тео.

– Конечно, – меня резанула эта реакция. Не люблю, когда моё увлечение ставят под сомнение.

– Она не просто сёрфит, – подмигнул Крис, – а приручает волны.

Я улыбнулась. Благодарна ему за эту искру тепла.

– А можно мне с вами? – спросил Тео. У меня даже кисть выпала из рук.

– Да, – ответила я. Хотя внутри всё кричало: нет.

– Если помешаю, скажите, – добавил он.

– Нет, просто эта волна не для всех, – усмехнулся Крис. –

Но чем нас больше – тем интереснее, правда?

– Конечно, – я бросила ему взгляд: об этом мы ещё поговорим.

Оставшуюся часть дня я посвятила стратегии. Мой план под угрозой. Контакт с Тео – ошибка. Нужно отрезать чувства, пока не стало поздно.

В нашем мире любовь – подозрительна. Раз в год пары проходят странное испытание. И многие после – расстаются. Будто любовь можно выключить нажатием кнопки.

Мы с Крисом отшучиваемся: «просто коллеги». Возможно, обманываем всех. А может – только себя. Но это не мешает нам любить в тишине, вдали от посторонних глаз и сохранить нашу дружбу.

Я не хочу впускать новое. Лучше не чувствовать, чем снова потерять. Счастье не должно быть целью. Его нельзя выжать, как формулу. Мы сражаемся не с системой – а с собой. С сердцем, которое не подчиняется.

Этой ночью я осталась дома. Хотела подумать, всё взвесить. Но мысли унесли меня, и я заснула странным, тревожным сном.

Во сне кто-то тянул меня за руку, но лицо его было скрыто туманом. Я пыталась ухватиться, но тело не слушалось. Пальцы порезаны, кровь капала, а он – просто ушёл. Я за-

кричала, но звука не было. Только одно слово звенело в голове: трус.

Свет и мягкий ветерок от системы AI помогли прийти в себя. Ромашковый чай, сваренный вручную, как всегда, заземлил.

Я вышла на балкон. Город подо мной мерцал, как драгоценный камень в темноте. Мы построили его за месяцы – и всё ещё не нашли в нём себя.

Но не все согласны меняться. Есть бунтари. Те, кого называют дефектными – и изгоняют за пределы. И, возможно, и я – дефекта.

ГЛАВА 7

Следующий день мы посвятили подготовке к фотосессии. Грим получился почти магическим. Я выбрала нестандартные ходы – вместо привычного желтого выкрасила льва в глубокий индиго, цвет ночного неба и тишины. Это придало образу загадочность и чуть больше правды – потому что Тео никогда не был просто огненным. Он был сложнее. Тоньше.

Пока меня не было, как оказалось, Лана пыталась занять моё место, но Тео отказался. Прямо, без компромиссов. Я старалась не придавать этому значения, но что-то тёплое разлилось внутри. Будто кто-то незаметно положил ладонь мне на спину и сказал: «Ты всё ещё здесь. Ты нужна».

– Ну что, готовы? – Крис появился у зеркала.

– Почти, – ответила я, не отрываясь от последнего мазка.
– Остались штрихи.

– Сколько ещё займёт?

– Пятнадцать минут максимум, – я старалась не смотреть на Тео, хотя чувствовала его присутствие кожей, как статическое электричество в воздухе.

– Тео, а ты выбрал себе львицу? – вдруг спросила Лана с тем самым, сладким тоном, которым разговаривают с будущими трофеями.

– Какую ещё львицу? – Тео посмотрел на неё с лёгким недоумением.

– Ну, у каждого льва должна быть львица, – заметила она, вытянув губы в полуулыбку.

– О-о-о, – выдохнула я, сделав вид, что это шутка, хотя по позвоночнику пробежал холодок.

– Я как-то не думал об этом, – он слегка смутился, будто это действительно первый раз, когда он об этом задумался.

– Тогда подумай хорошенько. Думаю, фотографу такой сюжет понравится. Если что, я готова стать твоей львицей, – с явной игрой сказала Лана, бросая ему подмигивание, которое я бы с радостью смыла тональным кремом.

– Хорошо, – резко бросил он и на мгновение посмотрел на меня. Очень быстро. Слишком быстро, чтобы это не увидели остальные. Но я – увидела.

Я сидела, словно приросла к стулу. Снаружи – безразличие. Внутри – будто кто-то открыл кран и пустил горячую воду под рёбра.

Фотосессия шла лучше, чем я могла себе представить. Камера ловила моменты, смех, полу взгляды. Тео выглядел нереально – будто гость из другой вселенной, из тех, что мы рисуем во снах. Его лицо было неуловимым, переменчивым, почти нечеловеческим. А девушки, напротив, дышали мягкостью и светом, создавая тонкий контраст его молчаливой силе. Для меня макияж – это никогда не про краску. Это про суть. Про то, чтобы вытащить наружу то, что человек даже не подозревал в себе. Я всегда стремилась к этому – не прятать, а обнажать.

Мы шутили, строили рожи, цеплялись за яркость момента. Но потом фотограф вдруг сказал:

– Мне надо сделать пару кадров только с Тео и его львицей.

– Его что? – переспросил Алекс.

– Львица, – протянула Лана, будто специально растягивая это слово.

– Где же нам найти львицу? – смущённо пошутил Ник.

– Ребята, каждый вожак прайда должен иметь свою львицу, – театрально вздохнула Лана. – Это просто необходимо.

– У меня пока нет львиц, – усмехнулся Тео.

– Тогда выбери одну из девушек, – с оттенком вызова предложила Лана.

– Выбрать? – Тео резко посмотрел на меня. Я тут же опустила глаза, будто взгляд мог обжечь.

– Если тебе всё равно, я выберу за тебя, – вмешался фотограф, явно чувствуя напряжение.

– Думаю, это будет самым правильным, – отрезал Тео.

– Ну, я бы выбрал вот эту, – фотограф кивнул прямо на меня.

Мир на секунду померк. Я будто слышала, как застывает воздух.

– Что? – выдохнула я, не чувствуя ног.

– Вы отлично смотрите вместе. Ничего больше и не надо. Как тебе мой выбор?

– Мне всё равно, – голос Тео был сух, но я заметила, как

дрогнула его челюсть.

– Тогда решено.

Я не сразу поняла, что все начали расходиться. Крис подошёл ближе, заметив, как я побелела.

– Ты в порядке?

– Вроде да, – прошептала, зная, что вру.

– Хочешь, я скажу, чтобы сняли Лану?

– Не стоит. Это только вызовет лишние вопросы. А мне не хочется, чтобы на нас смотрели.

Он поцеловал меня в щёку и ушёл.

– Это твой парень? – спросил фотограф.

– Нет. Просто друг, —ответила, пытаюсь выдавить улыбку.

Он протянул мне руку – жест простой, но почему-то именно он заставил меня дрожать.

Тео уже ждал на подиуме. Его взгляд был тяжёлым, точным. И когда я подходила к нему, шаг за шагом, мне казалось, что я приближаюсь к чему-то, от чего больше не отвернёшься.

ГЛАВА 8

Я поднялась по ступенькам, будто в тумане, ощущая, как каждое движение замедляется. Пространство между нами и остальными стало глухим – как будто мы вдвоём остались в стеклянной капсуле, где ни звуки, ни взгляды больше не проникают. Только он. Только я.

Тео стоял чуть в стороне, его осанка как у хищника, готового рвануть с места – но в глазах было что-то невыносимо уязвимое. Он не смотрел прямо на меня, но я чувствовала – замечал всё: как я держу плечи, как неловко сжимаю пальцы, как избегаю встречного взгляда.

– Поближе, – попросил фотограф, почти лениво, будто снимал банальный лукбук. Но в этой банальности было слишком много личного.

Я сделала шаг. И ещё. Пока не оказалась на расстоянии дыхания. Тео пах чем-то свежим, озоновым, как воздух после грозы. Всё во мне сжалось – от этого запаха, от близости, от невозможности двигаться назад.

– Положи руку ей на талию, – бросил фотограф.

Пауза. И вот его рука, тёплая, сильная, ложится на меня. Неуверенно сначала – как будто он сам не верит, что делает это. Я чувствую, как напрягается его ладонь, как пальцы чуть дрожат. Не от страха. От того, что это важно.

Я не дышу. Мой позвоночник превратился в струну, по

которой вот-вот проскользнёт молния.

– Отлично. Теперь ближе. Лицом друг к другу— голос фотографа глушится внутри моей головы.

Мы приближаемся. Молча. Осторожно, как два существа, которые слишком долго жили под куполами, боясь обжечься воздухом настоящего. Тео смотрит мне в глаза, и я – в его. Там – жажда. Одиночество. Страх. И что-то, что обжигает сильнее, чем всё остальное вместе: узнавание.

– Замрите, – говорит фотограф.

Мы замираем. Я чувствую, как сердце стучит в груди – слишком громко, слишком явно. Наверное, даже камера его слышит.

– Идеально. Снято.

Но никто не двигается. Ни он, ни я. Мы стоим. В этой тишине. В этой паузе, которая длилась секунду – и стала вечностью.

Он первый отвёл взгляд. Его рука медленно скользнула с моей талии, как будто ему пришлось убедить самого себя отпустить. Я тоже сделала шаг назад. Ноги подгибались.

– Спасибо, – коротко бросил фотограф. – Вы были великолепны.

Мы не ответили. Только переглянулись ещё раз – на долю секунды. И в этом взгляде было всё, что мы не могли себе позволить.

Когда фотограф предложил позвать остальных, я будто вышла из сна. Всё внутри оборвалось, как обрывок старой

плёнки. Автопилот включился сам собой – я развернулась и пошла, не разбирая дороги, не замечая лиц. Хотелось только одного – вырваться. Я спустилась вниз, чувствуя, как земля колеблется под ногами. И знала – всё изменилось. Даже если мы будем делать вид, что ничего не произошло.

Шаг. Второй. Сердце грохочет в груди, как огромный механизм, вот-вот сломается. Воздух будто застыл в лёгких, не хватало дыхания. Я ускорялась, как будто от этого зависело моё спасение.

Крыша. Я добралась туда почти бегом. Остановилась резко, вдохнув воздух с привкусом пыли, бетона и вечернего света. Закат заливал город мягким медовым светом – и в этом было что-то до боли прекрасное. Почти мучительное. Как бывает, когда красота обнажает самое хрупкое внутри тебя.

Говорят, влюблённым всё вокруг кажется красивее. Наверное, со мной случилось именно это. Мир расплавился, как плёнка на солнце, и я начала смеяться – истерично, безудержно. Это не было радостью. Это был нервный срыв, паника, надлом. Смех сорвался, как защёлка, и я не могла его остановить. Он расползлся по телу судорогой. Звук. Странный, глухой – словно время остановилось, и в уши начал капать плотный, вязкий туман. Я вдруг остро осознала: что-то во мне треснуло. Безвозвратно. Я уже не та, что была десять минут назад.

Я подняла глаза.

Он стоял передо мной.

Тело дернулось – инстинкт бежать, спастись. Но ноги приросли к земле. Внутри всё зазвенело, вздрогнуло.

Что за чёрт? Почему я теряю контроль? Почему так слабо перед ним? Что в нём такого?

Он шёл ко мне быстро, и сердце, уже и так сорвавшееся с цепи, ударило с новой силой. Болью.

– Не надо, – выдохнула я почти шёпотом. Не себе – ему. Не ему – себе.

Он не остановился. Как и я. Моё тело будто решало само. Я шагнула вперёд, потянулась к нему – губы нашли его, руки скользнули за его шею, сжали его, как якорь в бурю. Я хотела его – целиком. Без остатка. Живот сжался, внутри разлетелись бабочки, как капли ртути.

Он поднял меня, осторожно посадил на парапет. Я обвила его ногами, не желая выпускать. Мы целовались, как будто это был наш последний поцелуй в жизни. Или первый за тысячу лет.

Всё исчезло. Весь мир слился в один огненный импульс. «Я его люблю!» – это не мысль, а зов, ритм, биение внутри. Невыразимое. Безумное.

Когда наши губы наконец оторвались, я задыхалась. Он тоже. Мы смеялись – нервно. От облегчения, от страха, от осознания того, что назад дороги нет. И счастья, которое будто бы есть, но оно... такое хрупкое.

Мы знали – это не навсегда. В этом мире любовь не пря-

чется. Её чувствуют. Обнаруживают. Сканируют. Уничтожают. У нас не будет семьи, как в старых фильмах. Не будет детей с его глазами и моей упрямой чёлкой. Мы знали с самого начала: это опасно. Это – ошибка. Но уже поздно. Закат окрасил нас в золотой, будто мы стали частью другого измерения. На этой крыше, как на краю карты. За границей правил. Мы сидели, болтая ногами в пустоту. Я, всегда боявшаяся высоты, в тот вечер чувствовала себя абсолютно спокойно. Наверное, любовь и правда отменяет страх.

Мы молчали. Он смотрел на меня, как будто видел впервые. Я чувствовала, как его рука едва касается моей, как скользит тёплый ветер, между нами. Ни один из нас не спешил нарушить магию. Мы просто были – здесь и сейчас.

– Фото на память? – Тео улыбнулся, с озорством, словно мальчишка, предлагающий убежать с уроков.

– В гриме?

– В том, что от него осталось, – рассмеялся он, склонив голову и изучая моё лицо.

Он поднял фотоаппарат, а я поймала себя на мысли, что не хочу, чтобы он смотрел в объектив. Хочу, чтобы смотрел только на меня.

Когда мы наконец собрались уходить, он мягко помог мне спуститься с парапета. Его руки обняли меня за талию, и в этот момент наши лбы соприкоснулись. Я ощутила дрожь – не от страха, а от того, как много в этом касании. Он дышал медленно, глубоко, как будто старался запомнить меня через

кожу, запах, расстояние.

Я чувствовала себя слегка пьяной – от воздуха, от него, от того, что мы сделали.

– Ты ведь не убежишь от меня в этот раз? – прошептал он, почти в самую щёку.

– Уже поздно убегать, – усмехнулась, упрятав дрожь за иронией.

Он смотрел в упор. Серьёзно. Без фильтров.

– С первой минуты, как увидел тебя, понял, что пропал, – сказал он, чуть хрипловато. – Знаю, звучит пафосно... Но, когда наши взгляды встретились, всё внутри сдвинулось. И когда тебя не было два дня... я почти не спал. Мне просто хотелось обнять тебя. И не отпускать. Это было похоже на... зависимость. Я боялся. Боялся испугать тебя, даже взглядом. Когда Лана предложила заменить тебя на гриме – я знал, что должен согласиться... Но не смог. Не смог представить, что ты больше не дотронешься до моего лица. Это как будто исчез бы воздух. Я не хочу тебя пугать. Просто... я больше не могу молчать. Пожалуйста, не исчезай. Даже если не чувствуешь того же – просто не исчезай.

Я не знала, что сказать. Всё, что было нужно, уже было, между нами. Я шагнула вперёд и снова поцеловала его. Тепло, уверенно. Без слов. Потому что слова – это для тех, кто сомневается. А я больше не сомневалась.

Мы вернулись. Внизу все уже смеялись, пили кофе, кто-то включил музыку. Тео проводил меня до кабинета, и, перед

тем как уйти, поцеловал ещё раз. Лёгкий, короткий, как точка в конце предложения. Я больше не сопротивлялась. Ни этим поцелуям. Ни себе.

Позже, стоя под душем, я не могла стереть с лица идиотскую счастливую улыбку. Вода стекала по коже, но внутри было только тепло. Я заварила чай, набросала несколько быстрых эскизов – что-то лёгкое, с солнечными бликами – и уснула, как ребёнок, которому наконец разрешили мечтать.

Утро было резким, как холодный вдох. Я проснулась и почувствовала, что рядом никого нет. Странно, как быстро можно привыкнуть к чьему-то присутствию. Я взяла Джеки, перекинула на плечи старую кофту и вышла на крышу.

Там было тихо. Город ещё спал. Рассвет только начинался – небо медленно размывалось от синего к персиковому. Я пожалела, что не взяла плед, но возвращаться не хотелось. Холод чуть покалывал кожу, и в этом была своя пронзительная ясность. Как будто всё стало обострённым: запахи, свет, даже мысли.

Я просто стояла и смотрела, как просыпается город.

Он подошёл сзади, обнял меня и укрыл тёплым одеялом, пахнущим кофе и им самим. От этого запаха внутри всё сжалось в сладком комке.

– Привет, солнышко моё, – прошептал он.

Я обычно терпеть не могла такие слова. Но с его губ они звучали иначе. Будто это было не "солнышко", а заклинание.

– Ты волшебник? – усмехнулась, не отрывая взгляда от

горизонта.

- Для тебя – кто угодно.
- Как ты узнал, что я здесь?
- А где ещё ты могла быть?
- Ты не заходил в офис?
- Нет.
- Тогда как?..
- Я просто знал.

Я только хмыкнула и прижалась к нему. Тепло его тела будто передавалось мне, пропитывало изнутри.

С Крисом мы тоже встречали рассветы. Но тогда – два сломанных сердца грелись друг о друга. Сейчас – два живых, бьющихся сердца впервые осмелились чувствовать. Позже мы с Тео решили, что не будем скрывать наши отношения, но и афишировать тоже не станем. Счастье – хрупкое. Его легко расплескать.

Мы «работали» в закрытом кабинете, а на самом деле отправлялись в виртуальные путешествия. Я создавала декорации, он – писал истории к ним. Иногда мы летали над пыльными просторами Марса, иногда – гуляли по цифровым копиям исчезнувших городов. Это было как сон наяву. Мир, в котором не нужно было бояться.

Тео почти ничего не рассказывал о себе. И я не спрашивала. Было достаточно того, что он рядом. Иногда – в тишине. Иногда – со смехом. А иногда просто сидел и смотрел на меня с такой благодарностью, будто я вытащила его из воды.

Это было счастье. Такое, которое хочется прятать, как секрет.

Но мы оба знали – оно не навсегда.

Только не думали, что конец придёт так скоро.

ГЛАВА 9

Утром я пришла на работу раньше обычного – хотелось немного тишины, прежде чем офис начнёт оживать. К моему удивлению, в кабинете Тео горел свет. Я проводила Джеки на площадку и, не удержавшись, заглянула к нему.

– И почему наш красавчик сегодня так рано? – спросила я с полуулыбкой.

– В смысле? – резко отрезал он.

Я на мгновение замерла от неожиданности, но быстро взяла себя в руки. У всех бывает плохое настроение, особенно после тревожных вечеров. А вчера он снова ходил на свою "встречу" – выглядел взволнованным, почти отчаянным. Не хотел отпускать меня. Пока сама не подтолкнула – не ушёл.

– Что, не выспался, мсье начальник?

– Переутомился, – буркнул он.

– За утро?

– За неделю. И вообще, не понимаю, с чего это я должен оправдываться перед своими сотрудниками?

– О-па, вот это интересно...

– Тея, честно? Ты утомляешь. Твоя настойчивость ранним утром – это уже перебор.

Я замерла. Это прозвучало слишком... обидно.

– Моя что?.. – мне показалось, я ослышалась.

– Иногда людям нужно личное пространство. А у тебя по-

ходу с этим – проблемы.

– Это говорит человек, о котором я не знаю почти ничего! Я ведь ни разу не задавала лишних вопросов. А он знает про меня всё до мелочей!

– Это говорит твой начальник. Мне положено больше знать о своих сотрудниках. Но я не слышал, что начальник тоже обязан отчитываться перед подчинёнными.

– Понятно, – прошептала, сглатывая слёзы. Уже развернулась, чтобы уйти, но он бросил мне в спину:

– И, кстати, субординация – полезная штука.

Это был удар под дых.

– Думаю, нам вообще не стоит общаться, раз у тебя такая реакция на моё присутствие, – сказала ровно и быстро вышла, не позволяя себе разрыдаться прямо у него в кабинете.

– Как скажешь, – донеслось уже из коридора.

Я почти бегом взлетела на крышу. Нужен был воздух, ветер, небо – хоть что-то, чтобы не захлебнуться. Он сломал меня несколькими словами. Кто он, в конце концов? Где тот ласковый, внимательный Тео, с которым мы смотрели закаты и делились книгами?

Я поняла, что за всё это время не узнала о нём почти ничего. Ни прошлого, ни настоящего, ни близких. Только фильмы, книги, любимые города. Всё остальное – пустота. Сама ли не спрашивала? Возможно. Боялась? Наверное. У меня ведь тоже есть свои тайны. Может, я интуитивно не лезла в его жизнь, потому что знала: он не пустит меня туда.

Он всегда оставался загадкой. И вот теперь я стою под ветром, чувствуя, что снова осталась одна. Но даже сейчас – я не могла по-настоящему злиться. Разочарование – да. Но злость? Нет. Он был странным, но он не лгал. Не обещал. Просто исчез.

Три дня я провела как в тумане. Сидела в офисе, почти не выходя. Работала над раскраской, не поднимая головы. Даже обедала за компьютером. Крис наблюдал с тревогой, но молчал – он знал: мне нужно самой дойти до дна, чтобы всплыть.

На пятый день я начала оживать. Работа стала терапией – раскраски действительно лечат. Мысль о предстоящем «мозговом штурме» от Тео вызывала смешанные чувства. Его идея – поднять боевой дух команды. Я узнала об этом от Криса. Тео сам ничего не говорил. Ни о моральной поддержке, ни о заботе.

Когда я вошла в столовую, разговоры оборвались. Все обернулись. Это было странно.

– Всем привет, – сказала я, стараясь звучать бодро.

– Привет, красотка! – воскликнула Ева. – Рада, что ты снова с нами!

– Том, отправила тебе раскраску.

– Уже?! – он чуть не подавился.

– Вдохновение, – пожала я плечами. Но тут вмешалась Лана:

– А ты идёшь в поход?

Я подняла на неё глаза – и всё стало ясно. Вот почему все напряглись. Вот почему в столовой наступила тишина. Теперь я всё поняла.

– Конечно, идёт, – вмешался Крис. Его голос был жёстким. – И почему ты вообще спрашиваешь?

– Просто у неё много работы... вдруг не успеет?

– Она не только свою успеет – она и твою работу сделает, если надо. И ты это прекрасно знаешь, – добавил он.

Я бросила Крису благодарный взгляд. Он спас меня. От неловкости. От унижения.

– Тебе что-то принести? – тихо спросил он.

– Я, пожалуй, кофе возьму. И на скамейке посижу.

– Я с тобой.

Мы вышли вместе. Крис слегка обнял меня за плечи. Я пошатывалась – он почувствовал это и крепче прижал к себе.

– Я кофе, а ты эклеры?

– Идеально.

Мы молчали, пока не оказались на крыше. В этот раз не сели на парапет, как раньше. Хотелось забыть. Мы выбрали скамейку.

– Давно они вместе? – спросила минут через десять.

– Второй день.

Я кивнула. Сказать было нечего.

– Я с трудом сдерживался, чтобы не врезать ему, – сказал Крис.

– Спасибо, что сдержался.

- Он с тобой говорил?
- Ведёт себя так, будто ничего не случилось.
- Вы поссорились?
- Нет.
- Он что, просто исчез?
- Сказал, что я слишком часто появляюсь в его жизни.
- Прости, что?
- Вот именно.
- Ты с ним говорила о прошлом?
- Никогда.
- И ты уверена, что... ты его любишь?
- Теперь – да. Как на ладони.
- Хочешь поговорить с ним?
- Нет. Не хочу казаться жалкой. Мне и так стыдно.
- Вот поэтому мне и хочется врезать ему.
- Я усмехнулась сквозь горечь.
- Лучше просто притвориться, что мне всё равно.
- Мне кажется, даже Алекс готов врезать ему, – с усмешкой сказал Крис.
- А он-то с чего?
- Ты правда не догадываешься?
- О чём должна?
- Не строй из себя наивную. Прекрасно знаешь, что он к тебе равнодушен.
- Думаешь, до сих пор?
- Даже не сомневаюсь.

– Он что-то говорил?

– Я не хочу тебя ранить... Но ты была так счастлива, что не замечала. А он всё это время ходил понурый, как тень.

– Вот же... Знаешь, наверное, ты был прав.

– Насчёт чего?

– Что нам нет места в этом обществе. Мы не принимаем его правил. И, может, не стоит больше пускать никого ближе, чем на вытянутую руку.

– А ты когда-нибудь думала сбежать? Из города. В реальное путешествие?

– Но мы же и так «путешествуем» – виртуально.

– А тебе не кажется, что всё это... не настоящее?

– Что?

– Эти «поездки». Думаешь, мы правда куда-то переносимся? По-моему, это не виртуальная реальность, а иллюзия. Фальшивый мир.

– То есть... ты думаешь, за пределами города есть настоящая жизнь?

– Думаю, да. Но нам её просто не показывают.

– Ты кому-то ещё об этом говорил?

– Нет, конечно.

– И правильно.

– Думаешь, никто больше не подозревает?

– Не знаю. Но после истории с Тео поняла: доверять нельзя.

– Это обида говорит. Ребята у нас нормальные.

– Я не говорю, что они плохие. Просто – чужие. Мы улыбаемся, работаем вместе... но по сути – незнакомцы. А с системой всё ясно: я не принимаю её. Мы с тобой хотя бы честны перед собой.

– И что ты предлагаешь?

– Ничего.

– Великолепный план, – усмехнулся Крис.

– У меня лучший учитель, – и мы засмеялись.

После этого разговора мне стало легче. Лана, Тео, вся ситуация... Это не моя вина. Это их выбор. И я больше не хочу страдать из-за мужчины, которому хватило одного вечера, чтобы перечеркнуть всё.

Дни перед походом прошли на удивление спокойно. Я закрыла задачи и даже помогала коллегам. Работоспособность выросла. Наверное, это была защитная реакция: уйти в дела, чтобы не сойти с ума.

С Тео мы продолжали общаться. Он держался так, будто ничего не было. Шутил. Улыбался. Будто не держал меня в объятиях, не называл «моей». Будто всё – выдумка. Иллюзия.

Если вспомнить мои прошлые отношения, почти всегда я ставила точку. Потом избегала бывших, пока они не начинали новую жизнь. А с Тео всё иначе. Никакой неловкости. Только стена.

Я старалась держать лицо. Даже Крис однажды сказал: «Ты крепче, чем кажешься». И, может быть, он прав. Я на-

училась выживать. В этом городе, где чувства ставят под сомнение, а любовь – под запрет.

Через пару дней он вызвал меня в кабинет – по рабочим вопросам. Формально.

Я пришла с планшетом, в рабочем свитшоте и собранными волосами, будто всё во мне кричало: я в порядке, мы просто коллеги, всё под контролем.

На самом деле – нет.

В кабинете пахло сухо и официально – пластиком, и лёгкой синтетической свежестью, как будто кто-то недавно протёр столы дезинфектором. Раньше я помнила здесь запах его кофе с кардамоном, его смех сквозь открытые жалюзи, когда он звал меня посмотреть на чью-то дурацкую презентацию. А теперь – стерильность.

Он даже не посмотрел в мою сторону.
– Садись, – коротко, будто не я, а кто-то из отдела тестов.

Я села, опустив планшет на стол. Он сидел по другую сторону, глаза – в экране.

– Это по раскраске? – тихо спросила, пытаясь поймать его взгляд.

– Да. Вот здесь, на шестом листе – цвет слишком светлый, сольётся с фоном. И вот тут – линии, – он ткнул в экран стилусом, – слишком тонкие. На печати пропадут.

Чётко. Ровно. Без тепла.

– Поняла. Исправлю.

– И ещё: ты часто делаешь переходы слишком мягкими.

Нам нужен визуальный акцент. Ребёнок должен понимать, куда смотреть.

– Я думала, мягкость – это плюс.

– Это не иллюстрация в галерею. Это продукт. У него функция.

Его слова били, как холодная вода по коже. Отчуждённость звучала в каждом слове, будто он натренировался оттачивать дистанцию.

Я кивнула, записывая, но пальцы дрожали. Не от страха – от обиды. От того, как он может быть со мной.

Он будто отрезал меня от себя, как ненужный фрагмент.

– Это всё? – спросила, не поднимая глаз.

– Всё.

Я встала. Была уже у двери, когда он вдруг сказал:

– Кстати, хорошая работа. Если бы ты всегда так делала – правок было бы меньше.

Это было не признание. Это был удар с приклеенной улыбкой.

Он не хвалил. Он оценивал. Как будто я была стажёркой. Как будто ничего не значила.

Как будто не он прижимал меня к себе в темноте, не он знал, как я дышу, не он говорил «останься». Я вышла, стараясь не хлопнуть дверь.

Коридор был тихим, как будто воздух сгустился.

Только сердце стучало – громко, слишком громко – и в груди, и в горле, и где-то в пальцах.

Я шла к себе, не замечая лиц. Ни звуков. Ни времени. Он сделал выбор.

И я больше не была для него даже «Теей». Только именем в списке сотрудников.

Это было хуже пощёчины. Хуже, чем упрёки. Он говорил так, будто ничего не чувствовал. Всё – стерто. История переписана.

Я ушла, ничего не сказав. Но внутри осталась только горечь. Он вычеркнул меня. А я всё ещё носила его в сердце.

ГЛАВА 10

На улице было прохладно – не до озноба, но достаточно, чтобы захотелось зарыться в воротник куртки и крепче сжать в руках термос. Горячий кофе пах корицей и надеждой. Я вышла на десять минут раньше – подышать, прийти в себя, пока ещё не началась эта поездка-испытание. Особенно теперь, когда Тео вдруг решил всё усложнить.

На общем созвоне по маршрутам он неожиданно предложил ехать в одной машине – Крису, Лане и мне. Типа так проще выбить машину для поездки. Крис вежливо отказался, кажется, чувствуя мою тревогу. Но если Тео хочет играть в «ничего не было», хорошо. Я умею играть. Мама научила: прятать боль за улыбкой – это навык, передающийся по женской линии. Гудок машины вырвал меня из мыслей. Я поспешно сунула в карман плеер – музыка, как всегда, была бронёй. До Криса почти час дороги, и мне нужно было хоть что-то, что удержит на плаву.

–Привет, красотка, – Лана растянула фразу, словно карамель на зубах.

—Привет, – я улыбнулась вежливо, по протоколу. Тео выглядел безмятежным.

—Давно ждёшь? – спросил он будничным тоном.

– Нет, только вышла. – Улыбка получилась слишком яркой. Почти агрессивной. А внутри – хотелось размахнуться и ударить. Или закричать.

—Ну, тогда поехали, – бодро бросил он, не замечая льда в воздухе. Первые десять минут я отвечала на дежурные вопросы механически, не глядя ни на него, ни на неё. За окном проплывали панельки, стеклянные фасады, осенние деревья с лысеющими кронами. В голове звучали те фразы, которые я так и не произнесла. Те, что застряли в горле, как заноза.

Когда разговор выдохся, я облегчённо надела наушники. Музыка, как крем для рук и планшет – обязательная часть моего тревожного снаряжения.

И вдруг – его взгляд в зеркале заднего вида. Прямой. Спокойный. Изучающий. Он смотрел на меня, как на незнакомку, которая заинтересовала. Я не отвела глаз. Думала – он смутится. Но нет. Тео продолжал смотреть. Почти нагло. И в этом было что-то странное. Странно знакомое. Как будто он искал подтверждение, что я всё ещё здесь. Внутри себя – прежняя.

– Тео! – Лана вскрикнула. Он резко дёрнулся, ударил по тормозам.

Салон вздрогнул. Сердце застучало в висках. Мы едва не врезались.

– Что с тобой?! – Лана была на взводе.

– Просто задумался, – пробурчал он, уже не глядя на меня.

Я видела в жизни много трусов. Но у Тео был особый талант – делать больно не вслух. Если разлюбил – скажи. Если запутался – объясни. Но исчезать, а потом возвращаться с маской равнодушия? Это уже не растерянность. Это предательство.

Зачем он вообще это всё устроил? Зачем пригласил нас ехать вместе, если и без него было кому меня подвезти? Лора и Шон сами предлагали. Я отказалась – не знаю, зачем. Наверное, чтобы понять, зачем он это устроил.

Когда мы выбрали Криса, остановились у заправки – подзарядить, размяться, выпить кофе. Крис был на удивление бодрым. Сиял. Что-то в нём светилось изнутри, и я решила пока не спрашивать.

– Кофе какой? – Тео повернулся ко мне.

– Флэт Уайт.

– Что-нибудь перекусить?

– Веганский хот-дог.

– Принято. Крис?

– Американо и бургер.

– Фу-у-у, – передразнила я.

– Не переживай, корочки оставлю тебе, – подмигнул Крис.

– Ты чудовище, – рассмеялась я. И смех, как пена на кофе, немного сгладил осадок.

Тео подошёл с подносом. В воздухе пахло свежим хлебом, жареным луком и – напряжением. Его лицо казалось немного уставшим. Или просто закрытым.

– Держите, – подал он мне еду с нарочитой вежливостью.

– Спасибо, – я натянула свою лучшую улыбку. Почти театральную.

– Я только не был уверен, кетчуп тебе нужен или нет.

– Я не люблю кетчуп.

– Вот и хорошо – не положил.

– Правда?

– Не знаю почему... но подумал, что ты не любишь. – И улыбнулся. Почти искренне.

Что это было? Остаток чувств? Издевка?

– Вы давно дружите? – голос Ланы был как стеклянная заноза.

– Ну... да, – растерялась я.

– Вы... – она замялась.

– Встречаетесь? – Крис вмешался с нарочитой лёгкостью.

– Ооо, – выдохнула я.

– Она не в моём вкусе, – усмехнулся Крис.

– Не думал... – начал Тео.

– Что? – Лана нахмурилась.

– Что она может быть не в чьём-то вкусе, – бросил он.
Пауза. Воздух стал густым.

– У всех бывает невзаимная любовь, – попыталась сгладить.

– Эт точно, – пробормотал Крис, не глядя на Тео.

Обед завершился молчанием. Лана нервно пила кофе. Тео отвёл взгляд. Я просто молчала, чувствуя, как под кожей нарастает дрожь.

Когда мы снова тронулись, машина мягко вжалась в трасу. За окнами тянулись однообразные серые поля, кое-где блестели лужи, отражая блеклое небо. Дворники лениво смахивали капли, будто зевая.

Музыка играла у меня в ушах – знакомый плейлист, но даже любимые треки не спасали. Звук казался плоским, будто приглушённым изнутри. Я поймала себя на том, что считаю каждое движение Тео: как он держит руль, как напрягаются пальцы, как слишком резко включает поворотник.

Лана болтала, её смех был резким, надрывным. Крис то и дело барабанил пальцами по колену, выводя ритм, но глаза его оставались жёсткими, настороженными.

А между нами – пустота. Прозрачная стена, через которую уже невозможно достучаться.

Я уставилась в стекло, пока пейзаж не начал расплываться. И вдруг поймала в отражении – его взгляд. Быстрый, крадущийся. Не наглый, как прежде, а скорее осторожный. Будто он хотел убедиться: не исчезла ли я окончательно.

Я отвернулась первой.

Когда мы вышли к машине после короткой остановки, Крис отвёл меня в сторону.

– Это что было?

– Про что?

– Про этого урода.

– Потихе.

– Потихе? Ты видела, как он на тебя смотрел?

– Я думаю, он не хотел...

– Хотел. И если он ещё раз – я ему врежу.

– Крис...

– Серьёзно. Он тебе больно сделал. Теперь ещё и издевается.

– Я не знаю, что у него в голове. Но одно знаю точно – я больше не позволю делать из меня дурочку.

Оставшийся путь мы ехали молча. Три часа. Ни одного слова. Ни одного взгляда. Может, он пытался что-то сказать глазами. Может, ждал, что я обернусь.

Но я не обернулась. Ни разу.

Всё. Кончено. Больше – никогда.

ГЛАВА 11

Мы приехали одними из первых. Пока остальные разгружали машину, я вышла к реке – хотелось тишины, перед тем как нас всех поглотит шум общего быта. Крис, как всегда, всё понял без слов: забрал мои сумки и даже не попытался увязаться следом.

Пейзаж передо мной был почти неприлично красивым. Всё в нём было слишком правильным, чтобы быть настоящим – от безупречных изгибов ив до зеркальной глади пруда, где отражение не рябило даже от ветра. Но я была благодарна за эту иллюзию. Мне казалось, что я попала в сон, где природа всё ещё способна исцелять. Я села на деревянный настил, позволив ногам свеситься над водой. Солнце мягко гладило плечи сквозь лёгкую ткань куртки. Вдох – воздух пах влажной корой и сырой травой. Весна здесь была тёплая, полновзвучная, как будто город внизу не существовал.

Мой взгляд зацепился за что-то вдалеке, но, прежде чем я успела рассмотреть, всплыла мысль. Она пришла, как приходят фантомные запахи: будто где-то рядом была мама. Часто думала о ней в такие моменты – когда всё вокруг слишком спокойно.

Мама была тревожным человеком. Холодным. Или уставшим? Я до сих пор не разобралась. Долго пыталась заслужить её одобрение, любовь – называла это заботой, но теперь

понимаю, что это было что угодно, только не близость. Когда я стала взрослой, она внезапно потянулась ко мне. Словно вспомнила, что у неё есть дочь. И вот теперь – её нет. А во мне всё ещё что-то ждёт ответа. Смешно. Я взрослая. А внутри – тот же семилетний ребёнок с дневником, полный фраз вроде «мама снова не пришла».

– Наслаждаешься природой?

Голос вывел меня из транса. Я обернулась – Тео.

– Да... – сказала, моргнув, будто проверяя: это точно он?

Он присел рядом, оставив, между нами, аккуратную, нарочито вежливую дистанцию.

– Хотел нарисовать тебя. Издалека. Но решил сначала спросить.

– Ты рисуешь?

– Конечно. Разве не очевидно?

– Даже не знала.

– Думаю, ты многого обо мне не знаешь.

Фраза ударила мягко, как снежок в солнечный день – вроде не больно, но неожиданно прохладно.

– А ты и не рассказываешь, – ответила я.

– А ты и не спрашиваешь.

Мы замолчали. Лёгкий ветер тянулся за волосами, раздувая их в лицо. Его глаза – как вода в тени – потемнели. Он смотрел не на меня, а куда-то влево, вглубь.

– Если спрошу – ответишь?

– Конечно. Но есть нюанс.

– И какой же?

Он повернулся ко мне, глаза в глаза. Губы тронула лёгкая ухмылка.

– Придётся проводить со мной больше времени.

Мне захотелось то ли засмеяться, то ли ударить его. Всё происходящее было каким-то киношным и неправдоподобным.

– Это была попытка заигрывания?

Он пожал плечами.

– Ты меня избегаешь.

– Нет.

– Может, тебе неприятно быть рядом?

– Просто стараюсь соблюдать субординацию.

– А если я не хочу её соблюдать?

– Тогда ничем не могу помочь.

Он усмехнулся.

– Почему?

– Потому что я не сплю с коллегами. Чтобы потом не пришлось объясняться.

– А с Крисом?

Я вскинула брови.

– С Крисом всё по-другому.

– Насколько «по-другому»?

– Ты о чём?

– Вы любите друг друга, но боитесь признаться? Делаете вид, что просто друзья?

– Нет. Мы с Крисом знаем друг друга с шестого класса. Если бы что-то между нами было – давно бы уже случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.